

**АНДРЕЙ
БРОННИКОВ**

**МОЙТЕ РУКИ
ПЕРЕД
БЕДОЙ**

**СКАЖУ ИСТИННУЮ ПРАВДУ:
НЕ ТРОГАЙТЕ ВЕРУ В ЧЕЛОВЕКЕ,
ОНА ЕГО СПАСАЕТ, БЕЗ ВЕРЫ ОН — ЗВЕРЬ**

Странное дело. Романы о необъяснимом

Андрей Бронников

Мойте руки перед бедой

«ЭКСМО»

2020

Бронников А. Э.

Мойте руки перед бедой / А. Э. Бронников — «Эксмо»,
2020 — (Странное дело. Романы о необъяснимом)

В сумасшедшем доме – бунт. Пациенты называют его «Революцией цветных пилюль». Здесь все, как в жизни: подставной лидер, хаос, последующая диктатура и советник извне. Ну просто точная копия того, что недавно происходило и, не дай бог, произойдет завтра в мире. Но все равно, это ведь игра, «художественная самодеятельность», фантазии несчастных, больных людей – скажете вы. Дурдом, одним словом. Возможно. Но исторические отступления в романе заставляют задуматься. С документальной точностью в них изложены драматические эпизоды из жизни Вождя мирового пролетариата Владимира Ленина. Непривычный для нас. Неузнаваемый. Другой. Кому выпало мученической смертью искупить грехи и ошибки...

Содержание

Вместо предисловия	5
1	6
2	11
3	13
4	17
5	20
6	24
7	29
8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Бронников

Мойте руки перед бедой

Вместо предисловия

История театра «Но» насчитывает около пятисот лет. Главное его отличие заключается в ношении масок исполнителями представления. Маска здесь – особая моральная ценность, раскрывающая зрителю характер героя, его переживания и человеческие качества. Сам актёр остаётся второстепенным демонстратором, лишь озвучивая мысли действующего лица. Скрываясь под маской, он оставляет свои истинные чувства и эмоции невидимыми для зрителя. Само слово «но» переводится с японского, как «умение», «мастерство».

Представление длится до пяти часов, и состоит из нескольких драматических частей. Канонический спектакль завершается пьесой «о демонах». Героем драмы всегда становится личность легендарная или мифическая: божество, мудрый старец, доблестный воин. Имя его фактически имя-символ.

Между пьесами даются фарсовые представления «кёген», материал для которых черпается из жизни и быта, становясь объектом юмора или даже сатиры. Традиционно принято считать кёген второстепенной частью спектакля «Но», поскольку он призван заполнять паузы между драмами.

Трагическое и комическое в театре «Но» существуют не сливаясь, но прекрасно уживаясь в совокупности образуя на сцене удивительную по цельности и глубине картину «страстей человеческих».
(частично материал взят из монографии Н. Г. Анариной «Японский театр «Но»)

«...скажу истинную правду, не трогайте веру в человечестве, она его спасает, без веры он зверь, не глумитесь над его святыней, не разжигайте в нём огонь негодования. Это опасная игра с огнём, может произойти пожар... Доброжелатель».

(из анонимного письма Ленину в марте 1921 года)¹

¹ Стилистика неизвестного автора сохранена (прим. автора)

1

Однажды ранним утром, точно в пять часов десять минут в полном соответствии с отрывным календарём «Время навсегда», когда предрассветная свежесть серебристой росой только оседала на не успевшую остыть за ночь придорожную траву, дневное светило лениво выглянуло из-за горизонта, и его лукавый взгляд первым лучом упал на, изнурённую от бессмысленной человеческой суеты, землю.

Солнечный первенец сверкнул на позолоте куцых, без крестов, куполах заброшенной церквушки, заодно испугал стаю жирных чёрных галок, затем, пронизав сонную берёзовую рощу золотистыми нитями, упал в густой черёмуховый куст. Несколько мгновений утренний озорник осматривался, словно решая куда отправиться, а затем, подпрыгивая в разбитой колее просёлочной дороги, выбрался на тёплую и пыльную улицу небольшого посёлка. Весело пробежался вдоль обветшалых покосившихся домиков и растеряно замер перед старинным трёхэтажным каменным зданием.

Красный изъеденный дождями и ветрами, кирпич больничного корпуса местами выкрошился, особенно на углах возле помятых и ржавых, украшенных жестяными силуэтами гарпий, водосточных труб. Окна первых этажей были грубо замалёваны серой краской, а некоторые из них прятались за металлическими кованными решётками. На втором этаже окна закрасили только наполовину, а на третьем их просто занавесили плотными белыми шторами. Массивные резные двери парадного входа усугубляли и без того унылый вид некогда помпезного фасада. Справа от низкого, в несколько ступеней, широкого крыльца криво висела облезлая табличка с названием учреждения: «НИИ психического здоровья».

Внезапно набежали грозные тучи и явно намеревались обрушить на землю холодные дождевые струи, пугая и озаряя округу грохотом и вспышками праведного гнева. Светлый лучик поспешно свернул за угол и устремился в поисках убежища от надвигающейся грозы. Сквозь узкую пешеходную арку здания он проник в небольшой внутренний двор.

Дорожки в скромной парковой зоне были тщательно подметены, а каменные бордюры аккуратно побелены известью. Возле каждой скамейки стояли жестяные урны в виде пингвинов. Благоухали пышные кусты сирени, что было редкостью для этих мест в это время года.

Лучик, на мгновение забыв о надвигающемся ненастье, с любопытством огляделся, а затем не спеша приблизился к постаменту, на котором возвышался гипсовый бюст неизвестного человека. Мемориальная надпись давно разрушилась и ясности в определении личности увековеченного героя внести не могла.

Удивительно, но у подножья этого неухоженного памятника позабытому герою в грязных стеклянных банках стояли живые цветы. Тут же возвышалась бронзовая ханукия², которая соседствовала с облезлым фотографическим портретом рок-музыканта Бориса Гроховского и парой помятых ирисок на блюде.

За долгие годы своего незавидного существования бюст не раз и не два подвергался ремонту. Его то и дело подмазывали гипсом, восстанавливали нос, уши и подбородок, покрывали бронзовой краской. Затем подкрашивать перестали, и лицо неизвестного героя постепенно стало походить на физиономию больного ветрянкой. При этом реставраторы напрочь забыли о ремонте надписи. В результате первоначальные черты героя были утеряны, а имя его окончательно кануло в лету. После всех метаморфоз, казалось бы, единственная достопримечательность не только лечебного учреждения, но и всего поселка должна была потерять свою мемориальную ценность. Но не тут-то было! Памятник тщательно оберегался, и охранялся

² «Ханукальный светильник» – светильник, который зажигают в течение восьми дней праздника Ханука.

местным отделом культуры, в котором о личности изображённого тоже имели весьма приблизительные сведения.

Среди жителей поселка периодически вспыхивали яростные споры по этому поводу. Одни утверждали, что памятник был поставлен первому главному врачу больницы доктору Коткинд, другие говорили, что это есть никто иной, как известный большевик – революционер, а третьи настаивали на личности Самуила Маршака.

Версий возникло великое множество, поэтому обитатели поселения даже намеревались провести референдум, чтобы утвердить истинное имя увековеченного героя. Голосование состоялось, но члены общества любителей эпоса «Пополь – Вух»³, несогласные с результатами, подали в суд, и нескончаемые тяжбы продолжаются до сих пор. Члены общества Красного Креста предложили провести второй тур выборов, но стороны конфликта опять-таки не смогли решить вопрос минимального порога прохождения в следующий тур. Руководство посёлка в эти споры не вмешивалось, справедливо считая это неотъемлемым процессом истинной демократии и подтверждением наличия свобод на подведомственной им территории.

Дебаты на эту тему ведутся с той или иной степенью активности и теперь, но вопрос с местом поклонения решил сам собой. На седьмое ноября здесь митингуют люди с кумачовыми транспарантами в руках, в День независимости активные граждане произносят речи и поют гимн, в очередную годовщину основания лечебницы медицинский персонал и больные восхваляют научное светило доктора Коткинда. Поговаривают даже, что в ночь на Рош а-Шана⁴ здесь появляются неизвестные личности в тёмных одеждах и штраймлах⁵.

Погода окончательно испортилась, и, чтобы укрыться от дождя, у солнечного луча осталось всего лишь несколько минут. Он выскочил из внутреннего двора и стремглав помчался вдоль окон больницы, чтобы попытаться проникнуть внутрь помещения. Наконец, сквозь узенькую щель между рамами лучик проскользнул почти никем незамеченным в полутемную комнату.

Только старый и мудрый таракан, который сидел на плитусе и внимательно наблюдал за происходящим обратил, внимание на этот визит. Увидев солнечный луч, он сердито пробурчал в усы нечто невнятное, затем хмыкнул и бодро засеменил в сторону прикроватной тумбочки, где со вчерашнего дня оставалось немного хлебных крошек, а также засохший кусочек плавленого сырка. Таракан приоткрыл дверцу, проворно юркнул внутрь, и вскоре оттуда послышалось негромкое чавканье. Луч, между тем, уже незаметно для всех окружающих выскочил за дверь и помчался в подвал.

За окном оглушительно громынуло, и тяжёлые капли дождя ударили в окно. До подъема оставалось несколько минут. В палате царила сонная тишина, но четверо её обитателей, давно привыкших к строгому больничному распорядку дня, уже не спали. В шесть часов из чёрной тарелки громкоговорителя должен был раздаваться бой курантов и зазвучать гимн.

Так и случилось, но после боя курантов в палате неожиданно возникла томительная пауза. Все четыре пациента в недоумении продолжали лежать на кроватях. Привыкнув выпрыгивать из постелей при первом же аккорде гимна, теперь они оказались в крайне затруднительном положении. С одной стороны, по времени подъем уже состоялся, а с другой – команды для этого не прозвучало. Лица их в настоящий момент вдруг приняли облик маски японского театра «Но» – «Биккуримэн» – удивления.

Таракан, уже было собравшийся после сытного завтрака покинуть тумбочку, заподозрил, что снаружи происходит нечто ужасное, попятился и поплотнее прикрыл скрипучую дверцу. В этот момент из динамика раздался непонятный шум, скрип кровати, а затем длинные и гром-

³ Книга-эпос месоамериканской культуры, памятник древней индейской литературы.

⁴ Еврейский Новый год

⁵ Головной убор хасидов

кие ругательства начальника службы безопасности и агитации больницы, отставного военного Корнея Куроедова. Из его пространного монолога следовало, что радиомеханик Рюкин проспал и не запустил вовремя запись гимна, но микрофон оказался включён. Впрочем, о последнем событии оба действующих лица не ведали.

«Что, паскуда, проспал? – орал диким голосом Куроедов. – Включай, мерзавец, музыку!» Лицо разгневанного мужчины приняло облик маски «Сусаноо – микото» – бога грома и ветра.

Неожиданно гимн грянул, но даже его первые аккорды не смогли остановить крики Куроедова и только временами заглушали его голос. Однако начальник безопасности упорствовал. «Союз нерушимый...» – величаво звучали мужские голоса академического хора. «...Козёл ты бодливый...» – хриплым баритоном продолжал ругаться Куроедов. «Да здравствует созданный волей народов...» – торжественно воспевали родное государство хористы, но начальник безопасности успевал в короткую паузу вставить очередное недружественное обращение к радиомеханику: «...рожает таких вот уродов». Казалось, что он соревнуется с исполнителями гимна, противопоставляя славословию маты, и даже одерживает победу. Впрочем, иногда он повторялся.

Не обращая внимания на торжественные аккорды, Куроедов продолжил ругань: «Ты где этот гимн откопал? – вопил он, не слушая ответного лепета Рюкина. – Почти десять лет как с тоталитаризмом – коммунизмом покончили, а ты никак забыть его не можешь, скотина! Всё никак свой Советский Союз забыть не можете, быдло! Нарожали идиотов. Новая власть вас просила об этом?» Кто и кого может «нарожать» в психиатрической лечебнице оставалось неясным.

Наконец, зазвучали заключительные слова песнопения, и тут невольные слушатели неожиданного радиоспектакля, включая умудренного жизнью таракана, вздрогнули от страха. Им всем одновременно показалось, что текст был кощунственным образом извращён:

Партия Ленина – сила народная
Нас к торжеству коммунизма везёт!

Это показалось ужасным, но не далёким от истины. Апофеозом импровизированного радиоспектакля стал грохот падающей аппаратуры, а затем всё стихло. Вероятно, Куроедов свою ругань сопровождал энергичными и неконтролируемыми движениями рук, в результате чего случайно задел микрофон, а тот упал и выключился.

В гробовой тишине тоскливо скрипнула кровать. Семен Семенович Свистунов сел на постели и сунул жилистые ноги в тапки, но встать не стал. «Ну, что, дураки? Испугались?» – ехидно обратился Свистунов к соседям по палате, старательно пригладывая вздыбленные жиденькие вихры на макушке. Больные виновато заулыбались, мгновенно поменяв маски «Биккуримэн» на «Ко-омотэ» – молодой застенчивой девушки. Действительно, оказаться пусть даже невольным свидетелем подобного инцидента грозило неприятностями. Обычно в это время заглядывал дюжий санитар, чтобы проверить, как проходит побудка, но такового не случилось.

Следом за Свистуновым поднялись со своих кроватей ещё два обитателя палаты № 2 первого общепсихиатрического отделения. Четвёртый жилец встать не спешил. Он спал или только делал вид, укрывшись одеялом с головой.

Каждый из пациентов больницы имел свою историю болезни, которые хранились в сейфе главного врача. Все кроме Семёна Семёновича. Точнее, таковую имел и Свистунов, но она была выдуманна, чтобы Семён имел основание находиться в лечебнице официально.

Дело в том, что его появление здесь было достаточно необычным. Он не поступил сюда в карете скорой помощи и не пришёл сам, и даже не был доставлен представителями силовых

структур – Свистунов жил тут всегда. За исключением десятка лет, когда он служил в Вооруженных силах, после чего вернулся в родные края.

Раньше на месте хозяйственных построек располагалась скромная усадьба Свистуновых. По мере расширения владений НИИ психического здоровья родительский дом снесли, а всех его обитателей поселили в одной из палат лечебницы. Постепенно все родные Семёна умерли, а он так и продолжал жить здесь уже долгие годы. К тому же и масок он не носил. У Свистунова оставались друзья в уцелевшей части посёлка, и это сильно облегчало ему жизнь. Изредка приносили продукты, курево, которое он выменивал на конфеты, сообщали последние новости.

Без диагноза и лечения в больнице нельзя было находиться, поэтому главврач придумал ему диагноз, заполнил историю болезни, и на основании этого отдал распоряжение принять его на полное содержание. Было даже назначено лечение, и Семёну как положено выдавались таблетки белого цвета.

Свистунов достал из тумбочки зубную щётку, сунул её, как курительную трубку в рот, взял помятый тюбик, перекинул через плечо несвежее полотенце и, не торопясь, направился в санузел. Это было единственное место, которое не запиралось ни днём, ни ночью, однако горячую воду после отбоя отключали, чтобы обитатели не могли злоупотреблять душем.

Семён Семёнович, шаркая по грязному кафельному полу, спустился в подвал. Санузел был общим на весь корпус и располагался в подвальном помещении. Немногочисленные тусклые засиженные мухами лампочки едва освещали стены узкого коридора, тоже облицованные керамической плиткой темно – коричневого цвета, а пол и вовсе утонул в кромешной тьме. Двигаться приходилось почти на ощупь. Свистунов запнулся в полумраке о жестяное ведро и чуть не упал. Выругался сквозь зубы, пнул его ещё раз и отворил дверь в туалет. В воздухе резко пахло аммиаком.

Полчаса назад несколько чугунных унитазов «чаша Генуя» с трудом выдержали натиск десятков упругих струй, и брызги, казалось, ещё висели в воздухе едкой взвесью. Привычный ко всему Семён ничего этого не заметил, с удовольствием справил малую нужду, а затем склонился над раковиной, чтобы умыться и почистить зубы. Несколько минут Свистунов яростно работал щёткой, набрал в рот воды из крана и сплюнул, затем сунул тщательно вымытый зубной инструмент в рот.

Облегчившись и взбодрив себя холодной водой, Семён Семёнович окончательно пришёл в благостное настроение и направился в палату. Перед уходом он подобрал опрокинутое давеча ведро, вернулся и поставил его в простенок между душевыми кабинами и металлическим шкафом, в котором хранился инвентарь санитарки-уборщицы тети Фроси.

За те тридцать минут, что Свистунов отсутствовал, в палате произошли некоторые изменения. Один из обитателей, очевидно, уже умчался на завтрак, стремясь оказаться первым в очереди. Бося, маленький и толстый человек с добрым выражением лица и холодными глазками, сидел на кровати и пытался натянуть пижамные штаны на толстый зад. Левый глаз его слегка косил, но так как он был постоянно прищурен, то косоглазия заметно не было.

Черты его лица обладали удивительной особенностью. Когда Бося держал голову прямо, то казался абсолютным романтиком и мечтателем, но стоило ему чуть опустить лицо вниз, как в глаза бросался только широкий лоб, и его обладателя можно было принять за великого мыслителя. Если же Бося немного запрокидывал голову назад, то жесткий подбородок и тонкие губы придавали ему вид диктатора и палача.

Именно так знатоки японского театра «Но» описывали маски, созданные выдающимися мастерами, которые силами своего удивительного таланта придавали им волшебство и необъяснимую магию. Актёры в свою очередь оживляли их на сцене великолепным исполнением ролей гротескных пьес. Зритель очаровывался масками, удивительной игрой участников представлений и верил в полную нелепицу артистического действия. Впрочем, восточные сочинители умели вкладывать двойной смысл в свои, на первый взгляд, абсурдные произведения.

Имени этого неординарного человечка никто не знал и не помнил, поэтому звали его только по прозвищу – Бося. Он имел, как и все больные историю болезни, но диагноза там написано не было, только симптомы. Даже заграничные медицинские светила, которые имели с ним постоянную связь, не могли определить его хворь.

Дело в том, что Бося умел моментально запоминать огромные куски текста любой сложности и так же легко воспроизводить, однако смысла их он не понимал. Потенциально для спецслужб Бося мог представлять определённую ценность, именно поэтому на его истории болезни стоял гриф «совершенно секретно». Среди своего окружения «магнитофонный гений» слыл шизофреником. Частенько, к месту и не к месту, он говорил много умных и полезных вещей, но, порой, не мог ответить даже на самые элементарные вопросы.

Вот и сейчас Бося очень искусно, как пламенный оратор, воспроизводил на языке индейцев-киче эпос «Пополь – Вух», услышанный им в прошлом году на праздновании бога кукурузы Хун Хунахпу. В остальном Бося был вполне нормальным человеком и в быту никак не проявлял своей странной особенности. Он был чрезвычайно неряшлив, капризен и постоянно голоден.

Четвёртый обитатель палаты Сергей Ильич по прозвищу Полковник все также лежал в постели, но уже пьяный. Этот персонаж практически не менял масок и носил почти всегда одну и ту же – «Сёдзё» – большого любителя сакэ.

«Ну, понесло», – выразил свое недовольство Полковник в адрес «магнитофонного гения», сел на кровати и энергично потер ладонями помятое лицо. Затем открыл дверцу тумбочки и радостно произнёс, обращаясь сидевшему внутри таракану: «Аркадий, ты ещё тут? Уже позавтракал? Ну, тогда посторонись».

Взволнованный Аркадий на всякий случай тут же забился в дальний угол тумбочки, а её хозяин достал обкусанный плавленый сырок и початую бутылку с разведенным спиртом, который иногда по старой дружбе подгонял ему бывший собутыльник, а ныне сильно пьющий санитар со медицинского склада лечебницы. стакан, как всегда, стоял на полу возле кровати. Сергей Ильич поскрёб обтянутую тельняшкой грудь и затем аккуратно наполнил гранёную посудину до краёв. Приложил стакан к губам, резко запрокинул голову и крупными глотками опорожнил его. Понюхал сырок, отломил маленький кусочек и забросил в рот. По выражению лица Полковника крепость напитка определить было невозможно: спирт он пил, как воду и воду, как спирт, чуть оттопырив мизинец.

Неожиданно Сергей Ильич резко упал возле кровати на четвереньки и с трудом вытащил из темноты баян. Затем присел на постель, ловко надел ремни музыкального инструмента, растянул меха, пробежался пальцами по кнопкам и натужно хриплым голосом заорал песню Юрия Антонова: «Эх, любовь, ты любовь, золотая лестница. Золотая лестница без педрил...». На этом выступление доморощенного музыканта закончилось. Полковник с шумом сдвинул меха, баян страдальчески охнул и вновь исчез под кроватью.

«Ну, всё, хорош, – сердито скомандовал Семён Семёнович, взмахнул рукой и таким же командирским тоном продолжил. – На завтрак шагом марш!». Не сомневаясь, что его распоряжение будет исполнено, первым вышел из палаты. Вслед за ним, дружно надев маски «Кодзару» – маленькой обезьянки, безропотно потянулись и все остальные обитатели. Даже Полковник облачился в такую же маску, но прихватил свою любимую, Сёдзё-большого любителя сакэ, с собой.

Дверь хлопнула и в опустевшей палате наступила тишина. Жалобно скрипнула дверца тумбочки. Это таракан осторожно покинул своё убежище. Затем Аркадий внимательно осмотрелся по сторонам и, быстро перебирая лапками, помчался на исходную позицию под плинтус. Казалось, что утренний инцидент прошёл бесследно, и жизнь в больнице нормализовалась, не успев измениться.

2

Недавно отремонтированная столовая располагалась в полуподвальном помещении хозяйственного корпуса, куда можно было попасть только по длинному переходу из любого отделения больницы. Построена она была несколько позже главного корпуса, но не настолько, чтоб уж очень отличаться от прочих зданий медицинского городка. Такие же толстые кирпичные стены, высокие и узкие окна, давно некрашенная покрытая жёстью двускатная крыша, помятые водосточные трубы. Тяжеловесная архитектура, характерная для конца девятнадцатого и начала двадцатого веков, была отличительной чертой всего больничного ансамбля.

Внутреннее убранство производило ещё более тягостное впечатление. Косметический ремонт проводился очень редко и частями. Порой можно было увидеть в начале коридора свежеекрашенные стены – облезлые, и выцветшие в другом его конце. Замазанные краской окна почти не пропускали света, и лампы дневного освещения, едва справляясь с сумраком, не выключались круглосуточно. Потемневшие сводчатые потолки терялись в недрах черной бесконечности.

Убогость внутреннего интерьера в некоторой степени компенсировалась практичностью и продуманностью планировки. Все небольшие кабинеты были отведены для медицинского персонала, зато палаты могли вместить сразу до десятка больных. Просторные холлы давали возможность пациентам общаться и приятно проводить время перед испорченным телевизором под сенью многолетних фикусов в кадках. За общением, не вмешиваясь до поры, внимательно следили дюжие санитары.

В больнице имелась даже общественная баня-сауна, которая находилась в отдельном флигеле, но вход туда разрешался только по специальным пропускам, бланки для которых закончились ещё несколько лет назад. Вот только мрачные коридоры да процедурные кабинеты, больше похожие на пыточные, портили впечатление.

Семён Семёнович, шаркая тапочками, разглядывал щербатый пол в полумраке перехода. Вдали светился вход в столовую. Сзади плелся Бося и что-то бубнил себе под нос. Сергей Ильич вприпрыжку догонял соседей по палате. Он несколько отстал, задержавшись в палате для переодевания, и теперь дефилировал в полосатых брюках, перепоясанных узким ремнем. На его лице теперь красовалась маска «Дзико» – лисы. Впрочем, на это никто не обратил внимания.

При входе компании в пищеблок им встретился грузный мужчина. Тёмные курчавые волосы и такая же окладистая борода выдавали в нём иностранца. Костюм – тройка лишь подчеркивал его высокое положение в обществе, а большой живот, на котором едва сходилась жилетка, усиливал это впечатление. Мужчина посмотрел на Босю тёмными огромными на выкате глазами и трубно произнёс:

– Господа, не будете ли вы столь любезны, указать мне дорогу в кабинет заместителя главного врача. Я, видите ли, братцы, заблудился.

Психические больные растерялись и оробели. Однако это не распространялось на Семёна Семёновича. Он так живо и доходчиво растолковал незнакомцу несколько вариантов путей движения к цели, что теперь уже мужчина растерялся и оторопел. Тогда Свистунов кашлянул и проговорил:

– Милостивый государь, наиболее простой и понятный путь лежит через главный вход больницы. Для этого вам необходимо сейчас покинуть помещение вот через эти двери, – Семён указал на замызганный хозяйственный выход пищеблока. – Затем двигайтесь вдоль кирпичной стены и через некоторое время вы увидите центральное парадное.

– Премного вам благодарен, – так же изысканно откликнулся незнакомец, чуть поклонился и пошёл к дверям. Свистунов, как ни в чём не бывало, двинулся дальше. Спутники Семёна восхищенно смотрели на него даже с некоторым благоговением.

– Ну что встали, дураки? – прикрикнул на приятелей Свистунов и те, по-прежнему демонстрируя маски «Кодзару», гуськом послушно двинулись за ним. Через несколько минут они вошли в столовую, а в это же время в главном корпусе на третьем этаже незнакомец в сопровождении двух чиновников вошёл в кабинет одного из самых влиятельных лиц НИИ психического здоровья.

3

Февраль 1915 года, Германия

Кабинет статс-секретаря Министерства иностранных дел Германии был образцом немецкой педантичности и рационализма. Красивая и даже изысканная мебель была расставлена таким образом, что удобство её становилось максимальным, но при этом пропадала вся привлекательность обстановки. Резные шкафы терялись в затемненных углах помещения; стулья, составленные один к одному, прятались под длинным столом; тяжелые венские шторы были всегда приспущены. Жёсткое кожаное кресло хозяина кабинета не прибавляло уюта и едва виднелось из – за широкие столешницы тяжеловесного с пузатыми короткими ножками канцелярского стола.

Фон Ягов занял своё место в кресле и возбуждённо побарабанил пальцами по раскрытой тетради, но это не было волнением, вызванным ожиданием предстоящей встречи. Лёгкая нервозность являлась отличительной чертой характера главы МИДа Германии, что, впрочем, не сказалось на его дипломатической карьере.

Дверь отворилась, и референт доложил о прибытии делегации. «Благоволите пригласить», – отозвался фон Ягов и достал из инкрустированной перламутром шкатулки сигару. Статс-секретарь приподнялся, приветствуя вошедших, и, указав зажатой между двумя пальцами сигарой на ближние стулья, произнес: «Присаживайтесь», – и опять упал в кресло.

С двумя посетителями статс-секретарь был знаком. Представитель разведки Министерства обороны полковник Рицлер и раньше частенько посещал этот кабинет, а Макс Циммер являлся уполномоченным германского и австрийского посольств по делам антироссийских националистических движений, которые финансировались Германией и Австро-Венгрией. Грузный незнакомец, как догадался фон Ягов, и был господином Гельфандом, которого не так давно просил принять посол в Турции Курт фон Вагенхейм.

Историческая справка

Парвус (настоящее имя и фамилия Александр Львович Гельфанд, 1869–1924) еврей белорусского происхождения, участник российского и германского социал-демократического движения. С 1903 меньшевик. Участвовал в Революции 1905-07; сослан в Туруханск; бежал в Германию. Вместе с Л. Д. Троцким разрабатывал так называемую теорию "перманентной революции". Занимался предпринимательством. В годы 1-й мировой войны издавал в Берлине журнал "Колокол", выступавший в поддержку Германии в войне; сотрудничал с немецким Генеральным штабом. Жил в Германии, занимался крупными финансовыми комбинациями. С 1918 г. отошел от политической деятельности.

В январе Вагенхейм имел беседу с Гельфандом и, как следует из депеши немецкого посла, социалист – негоциант заверял его в полном совпадении интересов Германии и русских революционеров. Фон Ягов понимал, что речь будет идти именно об этом, но и не только.

Визитёры давно заняли свои места и приготовились к разговору, но статс-секретарь молчал и продолжал крутить в руках сигару. Возникла пауза, которую, поднаторевший в дипломатических встречах, фон Ягов умышленно затянул. Это должно было вызвать некоторую неловкость у гостей, и подчеркнуть превосходство хозяина кабинета. Однако слишком долгое молчание грозило превратить неловкость гостей в раздражение, а это уже могло помешать плодотворной беседе, поэтому фон Ягов отложил сигару в сторону, двумя пальцами разгладил усики и промолвил, обращаясь к полковнику Рицлеру:

– Слушаю вас.

– Позвольте представить русского социалиста и бизнесмена господина Парвуса, – пророчески провозгласил полковник. Фон Ягов с удивлением приподнял брови и перевёл вопросительный взгляд на Гельфанда. Статс-секретарь лукавил – он прекрасно знал прозвище белорусского еврея, но посчитал, что пояснение, всегда похожее на оправдание, окажется весьма кстати. Однако в разговор с некоторым подобострастием вмешался Циммер:

– Так ещё зовут господина Гельфанда, – пояснил он. Фон Ягов недовольно поморщился, но тут же надел маску любезности и вежливо уточнил:

– Так, статья господина Троцкого «Некролог живому другу – о вас?»

– Обо мне, – довольно отозвался Гельфанд, посчитав подобную осведомленность высокопоставленного немецкого чиновника за комплимент. Его огромные на выкате чёрные глаза заблестели от удовольствия. Чтобы скрыть самодовольную улыбку, мужчина напрягся так, что расстегнулась одна из пуговиц на жилетке, не выдержав напора большого живота.

– Так что, господин... э-э-э... Парвус, имеете сообщить? – сделавшись подчёркнуто официальным, спросил статс-секретарь МИДа. Гельфанд был далеко не глупым человеком, поэтому постарался произвести на высокопоставленного собеседника максимально благоприятное впечатление. Он откашлялся и твёрдо произнес:

– Постараюсь быть краток, – Гельфанд кинул быстрый взгляд на Ягова, чтобы оценить его первую реакцию, но статс-секретарь оставался невозмутимым. Нисколько не смутившись, Парвус продолжил:

– Не вижу смысла останавливаться подробно на общественно-политическом моменте в моей стране. Полагаю, вы это знаете лучше меня, – Гельфанд многозначительно покосился на представителя разведки полковника Рицлера: – Уже сейчас в России есть силы, цели которых совпадают с интересами Германии, а именно: свержение Николая II, Падение самодержавия необходимо как самой российской империи, так и прогрессивным силам в Европе. В этом случае мировая война будет завершена в самом благоприятном для Германии варианте.

Русские революционеры смогут достичь своих целей только при условии раздела Российской империи на малые государства. Для этого необходима консолидация всех политических сил, как внутри России, так и за её пределами, – Парвус умолк, вновь пытаясь определить эффект от своей речи, но не смог.

Социалист хитрил. Ни одна из партий, даже сам Парвус не подписались бы под таким заявлением, но обстоятельства требовали некоторой доли лукавства, и Гельфанд с прежней непоколебимостью продолжил: – Отельные фракции политических партий пока разобщены, между ними существует несогласованность. Большевики ещё не объединились с большевиками, но последние уже приступили к действиям, – и вновь Парвус покривил душой.

Лидер партии большевиков Ульянов сейчас жил за границей и в полном безденежье едва сводил концы с концами. При этом Гельфанд прекрасно знал, что антиправительственные выступления невозможны во время войны. Ю. Мартов (Цедербаум), П. Аксельрод и другие лидеры фракции в РСДРП понимали, что подобный исход грозил России большими территориальными, экономическими – вплоть до развала государственности – потерями.

Чтобы согласиться на подобный вариант, необходимо было обладать изрядным цинизмом и нелюбовью к своей Родине. Такая кандидатура на роль исполнителя у Парвуса имелась. Он с небезосновательной уверенностью рассчитывал, что Ленин согласится на такое сотрудничество.

Фон Ягов слушал собеседника, а тот, вдохновлённый его вниманием, с ещё большим красноречием продолжал: «План может быть осуществлён только под руководством русских социал-демократов. Радикальное крыло этой партии уже приступило к действиям. Но важно, чтобы к ним присоединилась и умеренная фракция меньшевиков. Пока такому объединению препятствовали только радикалы. Но две недели назад их лидер Ленин сам поставил вопрос об объединении с меньшевиками».

Последующие несколько минут Гельфанд говорил о способах и методах ведения революционной борьбы: «...Необходимо своевременно разложить народ России посредством пропаганды. В этой части особое внимание должно уделяться изданию газет и журналов соответствующего толка. Какой бы ни казалась невероятной информация, всегда найдутся недовольные обстоятельствами своей жизни, а виновата будет, как известно, действующая власть. Сюда же можно отнести организацию международной кампании в прессе против России.

Как показали события 1901–05 годов, наиболее действенными методами борьбы являются забастовки и стачки. Тут главное выдвинуть заведомо невыполнимые условия. Яркий пример эффективности – Обуховская стачка. Как известно, в результате остановки завода, нарушилось снабжение военного флота России тяжелым артиллерийским вооружением. Не стоит гнушаться и террористическими актами.

Русские социал-демократы могут достичь своей цели только в результате полного уничтожения царизма. Германия же не сможет выйти из войны, если до этого не вызовет революционный пожар в России».

Постепенно скептицизм статс-секретаря улетучивался. Парвус говорил уже довольно долго и в заключении обратил внимание на организацию массовых протестных выступлений, во время которых достаточно просто устроить провокации. Желательно с принесением «сакральной» жертвы».

«...Я готов предпринять первые шаги в этом направлении, но мне... – при этих словах Парвус умолк, талантливо изобразив нерешительность. Монолог у Гельфанда получился достаточно сбивчивым, но убедительным.

– Ну-ну, продолжайте, – приободрил его фон Ягов, вполне понимая, о чём сейчас пойдет речь и оказался прав.

– ...Мне понадобятся денежные средства и немалые, – проговорил Парвус, набычившись, и его рыбы глаза, казалось, готовы были выпастить из глазниц.

– Во сколько вы оцениваете...? – спросил статс-секретарь.

– Не менее двадцати миллионов марок, – твёрдо ответил Гельфанд. Фон Ягов молчал. Наконец, статс-секретарь кашлянул и произнес:

– Ладно. Благоволите всё вами сказанное изложить в письменной форме. Желательно, чтобы это был уже готовый план действий. Разумеется, без указаний каких либо сроков.

На этом встреча был завершена. Приготовленная фон Яговым тетрадь для записей так и осталась чистой.

Уже в начале марта на столе у главы МИДа Германии лежал документ, получивший впоследствии название «Меморандум д-ра Гельфанда». Обширная программа Парвуса, названная незамысловато: «Подготовка массовой политической забастовки в России», была составлена на 20 страницах и, в частности, содержала положения:

- о массовой забастовке под лозунгом «Свобода и мир», которая должна выйти из Петрограда и охватить оружейные фабрики и железнодорожные линии по всей России;
- об агитации среди рабочих в портовых городах (Одессе, Севастополе) и на судостроительных верфях (Николаев);
- о побеге политзаключённых из Сибири и использовании их в качестве революционных агитаторов в Петрограде;
- об использовании русской прессы в Европе для влияния на позицию нейтральных стран, подтолкнуть их к вступлению в войну на стороне Германии;
- об Украине: «подстрекательство против русского господства за автономию, особенно среди крестьян».

Похожие пункты касались Финляндии и Кавказа. Его план предполагал диверсионную деятельность – взрывы мостов «как в 1904–1905 годах», поджоги нефтехранилищ в Баку.

В результате вопрос решился положительно. Деньги Парвус получил и с лихвой. Когда фонд МИДа иссяк, статс-секретарь был вынужден отправить телеграмму следующего содержания:

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ – МИНИСТРУ
ФИНАНСОВ ГЕРМАНИИ

Берлин, 6 июня 1915 г

На революционную пропаганду в России требуется 5 млн. марок. Так как мы не можем покрыть эту сумму из фондов, находящихся в нашем распоряжении, я просил бы Ваше превосходительство предоставить её мне по статье VI раздела II бюджета на непредвиденные расходы. Я был бы чрезвычайно благодарен Вашему превосходительству, если бы Вы сообщили мне о предпринятых Вами действиях.

ЯГОВ

Вышеупомянутый документ хранится в архиве германского Министерства иностранных дел: Auswertiges Ami, Weltkrieg, 11 с seer. Band 5, A 8629. «Меморандум Парвуса» не датирован, но зарегистрирован в журнале Министерства 9 марта 1917 г.

Одна из расписок Парвуса: «Получил 29 декабря 1915 г. от германского посольства в Копенгагене один миллион рублей в русских банкнотах для развития революционного движения в России. Д-р Гельфанд» также хранится в архиве Германии по сию пору.

Как показала история, план Гельфанда удался. Российская империя была повержена, но на её месте родилась ещё более могучая держава с названием Советский Союз, которая в свою очередь уничтожила единую Германию, расколов её пополам на долгие годы.

4

НИИ психического здоровья, столовая

В столовой вкусно пахло свежеприготовленным обедом, но такой аромат не мог ввести в заблуждение психических больных. Это был замечательный парадокс местного пищеблока. На кухне постоянно витал аппетитный запах, но пища всегда была отвратительной. Еды готовили мало, поэтому наряд по столовой заранее накрывал столы и раскладывал её по тарелкам, чтобы пациенты не могли съесть лишнего и не дрались из-за добавки. При этом отходов оставалось так много, что порой казалось, что их объём намного превосходил количество изначально приготовленной пищи.

Дружная компания пришла последней. Столовая уже опустела, но грязная посуда ещё оставалась на столах и продолжала источать аппетитный запах. Тарелки запоздалой троицы оставались нетронутыми и терпеливо ожидали голодных психических больных на краю длинного стола. Бося с грохотом отодвинул некрашеную скамью и сел. Рядом с ним занял место Сергей Ильич. Свистунов расположился напротив.

Приготовившись трапезничать, посетители сняли маски «Кодзару» – маленьких обезьян, однако при виде еды под ними обнаружили другие – «Отафуку», символизирующая счастье и удовлетворённость. Только у Полковника на лице опять оказалась маска «Сёдзё» – большого любителя сакэ.

Подавали перловую кашу, в простонародье также называемую «шрапнелью». Её серые плохо разваренные дробины, рассыпанные на тарелках, вызывали не аппетит, а непреодолимое желание начинить ими охотничьи патроны и, вооружившись, отправится на добычу какой-нибудь другой, более благородной снеди или хотя бы расстрелять больничных поваров.

Алюминиевые кружки были наполнены едва подслащенной жидкостью чайного цвета. Если бы пациенты имели возможность добраться до журнала за контролем пищи дежурным врачом, то с удивлением бы узнали, что содержимое кружек именовалось «цикориевым кофе с добавлением экстракта женьшеня». Несколько ломтей серого хлеба довершали и без того «аппетитный» натюрморт на грязном столе.

Свистунов нахмурился и брезгливо отодвинул тарелку с кашей. Для насыщения оставался только «цикориевый кофе с добавлением экстракта женьшеня». Семён Семёнович откусил от тяжелого ломтя хлеба, который во рту мгновенно превратился в безвкусный кусок пластилина, и принялся жевать. Полусырая масса вязла на зубах, но это был единственный, в настоящий момент, вариант пополнить организм калориями. Глотком подозрительной жидкости чайного цвета Свистунов попытался облегчить свои старания по пережёвыванию, но тщетно.

Только настойчивость и выносливость помогли ему довести кусок хлеба до удобоваримого состояния. Семён с трудом сглотнул, запил жиденьким кофе и поднял глаза на Босю.

Тот уплетал «шрапнель» за обе щеки и глаза его выражали полный восторг.

– Как ты это ешь? – с удивлением спросил Свистунов.

– Ртом, – совершенно искренне ответил Бося и улыбнулся собеседнику маской «Комоты» – невинной красивой девушки.

– Ну да, ну да, – вздохнул Семён и на всякий случай уточнил. – Нравится?

– Угу, – выдохнул собеседник и несколько дробин, вырвавшись из его рта, просвистели в опасной близости от лица Семёна.

– Тебе эта гадость нравится? – удивился самый мудрый из пациентов психиатрической больницы и на всякий случай прикрылся пустой тарелкой. Как оказалось не зря. Очередная

порция «шрапнели» вырвалась из зева Боси и со звоном ударилась о дюралевое дно столового прибора, который очень вовремя послужил оборонительным щитом Семёна Семёновича.

– Неа.

– Как нет? – Свистунов опасливо выглянул из-за своего укрытия, – А что ж тогда ешь?

– Мне жрать нравится, – довольно ответил Бося. На этот раз рот его был уже пуст, и поэтому обошлось без неприятных эксцессов. Семён от страшной догадки даже приподнялся с места и ткнул указательным пальцем себе в язык. Поглотитель «шрапнели» понял жест собеседника правильно и кивнул головой. Свистунов не поверил своим мыслям и уточнил:

– То есть тебе всё равно, что жрать, лишь бы жрать? Сам процесс...

– Угу, – с гордостью ответил Бося, и на этот раз собеседнику вновь пришлось проявить чудеса реакции, чтобы уберечь себя от опасных ранений.

– А любимое блюдо у тебя есть? – допытывался Семён.

– Угу. Лошадь.

– Конины что ли?

– Угу.

– Не, ты понял... – обратился было к Сергею Ильичу Свистунов, но рухнул ошарашенный на скамью. В этот же момент Семён услышал тихое журчание и почувствовал специфический запах. Полковник сидел с затуманенным взглядом, а руки его были опущены под стол.

– Ты что реально больной? – прошипел Свистунов. Несколькими минутами ранее Сергей Ильич, широко расставив ноги, незаметно расстегнул гульфик, вытащил шланг и подставил кружку.

– А? Что? – очнулся Полковник.

– Ты это тут ещё и пить будешь?

– Ну да. Семёныч, ты же знаешь, что в столовой нельзя потреблять, а без спиртика эту гадость жрать невозможно, – резонно заметил Сергей Ильич, затем аккуратно вытащил из-под стола кружку, залпом её опорожнил и приступил к трапезе.

– Так вот ты чего в новые брюки вырядился, – догадался Свистунов и уточнил. – Ты, паскудник, опять в штаны грелку со спиртом запихал?

Полковник не ответил. Ему было некогда, но маска Сёзде на лице баяниста говорила сама за себя. Теперь Сергей Ильич с удовольствием уплетал больничное блюдо, потом ещё разок прервался, чтобы опять наполнить кружку и возобновил питательный процесс. Бося продлил своё любимое действие тем, что съел без разрешения порцию Свистунова и теперь счастливо поглядывал по сторонам.

Семён Семёнович проследил за его взглядом и увидел своего давнего приятеля Костю по прозвищу Крысолов, который сидел на самом дальнем столе в углу почти незаметный в полумраке. Константин был тощ, небрит и лохмат. Маска «Аякаси» – мстительного духа погибшего воина на лице говорила о том, что её носитель был готов к решительным действиям. Штанины выцветших треников были обрезаны и едва доставали ему до колен, а на ногах были надеты стоптанные китайские кроссовки на два размера больше.

Свистунов поднялся и вышел из-за стола. Следом бодро вскочил Бося, а за ним неуверенно поднялся Полковник и опёрся двумя руками о колонну.

– Вы ступайте в палату, я сейчас подтянусь, – обратился к приятелям Семён, не сводя взгляда с Крысолова, и добавил отдельно для Боси, – Ты его не бросай, – указал он пальцем на Сергея Ильича. Бося понятливо кивнул головой и подхватил под руку отяжелевшего Полковника. Вместе они неожиданно шустро двинулись к выходу.

Костя сидел, не замечая ничего и никого вокруг. В руках у него была катушка от спиннинга с намотанной на неё толстой леской, другой конец которой тянулся под стол. Приятель рыбачил, точнее «крысячил». Свистунов крадучись направился к приятелю. Подошёл к

нему совсем близко и спрятался за колонной. Очевидно, в охоте на крыс наступал решающий момент.

Семён Семёнович терпеливо ждал, когда этот увлекательный процесс закончится логическим завершением. Он намеревался спросить своего приятеля о незнакомце, которому Сви-стунов только что объяснял дорогу к кабинету одного из руководителей больницы. Семёну этот гость показался довольно странным. Внешний вид интеллигентного толстяка был несколько старомодным и в то же время зловещим.

Тем временем, под столом раздалось довольно громкое шуршание. Это была потенциальная добыча Крысолова. На другом конце лески странного приспособления был приторочен металлический поводок с рыболовным крючком – тройчаткой, на котором висела приманка – большой шмат варёного сала.

Свиштунов не хотел мешать приятелю и терпеливо ждал развязки. Наконец Костя вско-чил и резко дёрнул леску. Она напряглась как струна и начала быстро разматываться. Потом остановилась, а в ближнем углу раздался отчаянный писк, похожий на крик раненной чайки. Крысолов потихоньку начал сматывать леску, изредка останавливался, потом опять чуть страв-ливал и вновь подтягивал к себе добычу. Вновь раздался писк и послышался характерный скрежет когтей по каменному полу.

Борьба продолжалась ещё несколько минут. В конце концов, Крысолов поставил на тор-моз катушку, поднял её над головой и прыгнул вниз. Там за столом он вдруг отчаянно при-нялся топтать ногой по полу, но шлепков слышно не было. Наконец Костя замер, с ногами влез на скамью, поднял вверх катушку, перехватил второй рукой леску и тоже поднял её над голо-вой, демонстрируя Семёну свою добычу.

На крючке болталась, подёргиваясь в предсмертной агонии, огромная крыса. Именно её Константин только что добивал ногами и теперь бездыханное тело болталось на импровизиро-ванной удочке, едва касаясь хвостом пола. Крысолов спустился со скамьи, хладнокровно насту-пил добыче на хвост и выдрал крючок из пасти крысы со всем содержимым. Тельце зверька охотник ухватил за хвост и бережно опустил в мешок.

От такого кровавого зрелища Свиштунова затошнило, и у него пропала всякая охота зада-вать вопросы. Он развернулся и стремительно выскочил из столовой в коридор. Только там Семён немного пришёл в себя и уже спокойно направился к себе в палату. Костя выглянул следом за ним и крикнул вслед: «Эй, дружбан, ты чего хотел то?» Свиштунов, не оборачиваясь, только взмахнул рукой и прибавил ходу.

5

Через несколько минут Свистунов уже сидел в холле своего отделения на жестком коленкором диванчике возле фикуса. Вечнозеленое растение чудесным образом умудрялось выживать в медицинском учреждении и не только вопреки тому, что за ним плохо ухаживали. Кадка, в которой фикус произрастал, была напичкана таблетками. Каждый больной, считавший себя здоровым (а именно таковые больше всего нуждались в лечении), не желал принимать лекарства и старательно закапывал их в землю. Тем более, что санитаров мало интересовала дальнейшая судьба выданных медикаментов.

Семён Семёнович, несколько раз громко зевнул, затем хлопнул себя по коленям, лениво поднялся и пошёл в палату. Картина, которую он там увидел, была вполне предсказуемой. На кровати Свистунова, животом вниз и свесив голову к полу, спал мертвецки пьяный Полковник. Растянутый баян валялся на полу. Бося сидел на табурете и что-то бубнил себе под нос. Семён не сразу обратил внимание, что одна из четырёх кроватей теперь была заправлена чистым бельём.

Свистунов прислушался к тихому бормотанию Боси. «...Угаси всякую распрю, отыми вся разногласия и соблазны...» – шептал толстяк.

– Эй, мужчина, ты, где такого поднабрался? – толкнул его в бок Свистунов. Семёну показалось, что эти слова молитвы прозвучали, как предсказание, и ему вдруг стало жутко. Бося никак не отреагировал на оклик и продолжал твердить слова молитвы, но уже совсем тихо и неразборчиво.

– Это я только что вслух читал, – услышал вкрадчивый голос у себя за спиной Семён и, вздрогнув, резко оглянулся. Перед ним стоял пожилой бородатый мужчина и спокойно с интересом разглядывал Свистунова.

– Вы новенький? – спросил Семен.

– Здесь – да, – уклончиво ответил мужчина и тут же представился, – Тимофей Иванович, – но руки не подал, а только вежливо слегка поклонился.

Свистунов хотел было задать ему ещё несколько вопросов, но понял, что вновь прибывший не намерен больше общаться, и поэтому переключил своё внимание на Сергея Ильича, который продолжал безмятежно почивать на чужой кровати.

Семён толкнул Полковника. Тот на удивление быстро вскочил на ноги и тут же сел на кровать. Наклонился, пошарил по полу в поисках любимого баяна, затем наклонился и поглядел в пыльную темноту. Только, когда не смог обнаружить свой музыкальный инструмент, понял, что его спальное место находится чуть дальше. Полковник перебрался на своё место и по пути подобрал застонавший баян. Семён всё это время с иронической улыбкой наблюдал за пьяным любителем песен Юрия Антонова. Теперь больных в палате опять стало четверо и один из старожиллов, видимо пропал окончательно.

Тимофей Иванович, не обращая внимания на возню и прочие перипетии, достал из прикроватной тумбочки толстую, обёрнутую старой газетой, книгу, положил её на подоконник, придвинул табурет и попытался на него сесть. В этот момент толстяк Бося, проявив неожиданную резвость, в последнюю секунду выбил табурет ногой из-под деда. Тимофей Иванович шлепнулся на пол, тут же поднялся и обернулся, но только лишь для того, чтобы поднять табуретку. Автора откровенной издёвки он даже не удостоил и взглядом.

– Ты оказывается мерзавец, – произнёс Семён и пристально посмотрел в глаза Боси, а тот в ответ лишь осклабился и отвернулся. Обстановку разрядил Сергей Ильич. Вздохмаченный Полковник растянул меха, и баян отозвался звучным стоном, но музыкант этим ограничился.

– Что-то обхода всё ещё нет, – нахмурился Семён и выглянул в коридор. Там тоже было подозрительно тихо. Делегация врачей задерживалась. Свистунов прикрыл дверь и ещё раз по слогам подтвердил:

– Ти-ши-на. Полная.

– Дык, это же здорово! – обмахнул себя тюремной распальцовкой Полковник и открыл тумбочку, – Что, жулик, уже пожрал? – поинтересовался он у таракана Аркадия. Вопрос остался без ответа. На столе незаметно появилась бутылка разведённого спирта и гранёный стакан.

– Дед, пить будешь? – обратился Сергей Ильич к вновь прибывшему больному и таким образом выразил ему своё гостеприимство. Тимофей Иванович в ответ только отрицательно покачал головой, не прерывая чтения. Полковник с хрустом свернул пробку, достал из штанов опорожнённую грелку и вылил туда часть содержимого из бутылки.

Ещё не совсем протрезвевший, Сергей Ильич наполнил стакан до половины и поставил обратно. Затем сделал паузу, но только для того, чтобы ощутить сладость предстоящего действия. Взялся рукой за стакан, но потом решил ещё отложить удовольствие. Снял брюки, аккуратно сложил их, затем повесил на спинку кровати и убрал грелку под подушку. Затем подтянул синие сатиновые трусы, напялил сверху выцветшее трико и старательно заправил в них тельняшку. Полковник постучал костяшками пальцев в стенку тумбочки и громко спросил: «Аркадий, ты пить будешь?» Ответа, разумеется, не последовало, но Сергей Ильич открыл дверцу и выпустил таракана. Тот быстро поднялся на тумбочку и занял место возле корки хлеба, которая должна была послужить единственной закуской для выпивки, но Полковнику для компании и этого было достаточно. Он даже намеревался поделиться спиртом со своим насекомым, но тот пока ограничился скудной закуской, исключив выпивку.

Бося хитрым прищуром посматривал на приготовления соседа.

Из истории болезни

Анамнез жизни

Боссель Алексей Савельевич, 35 лет. Рос в многодетной семье. Мать имела психические расстройства, но на учёте не состояла, у психиатра не наблюдалась. Страдала тяжёлыми депрессиями. Отец постоянно отсутствовал в командировках. Рано умер. Больной воспитывался матерью. Пятый ребёнок в семье. Двое умерли в младенчестве. Старший брат повесился. Всего детей было семеро. Младшая сестра скоропостижно умерла от лихорадки в двадцатилетнем возрасте.

Анамнез заболевания.

Наблюдается у психиатра более 15 лет. В детстве обладал гиперактивным характером. До пятилетнего возраста имели место безудержные припадки, во время которых ребёнок кричал и бился головой об пол. Говорить начал поздно. Холерик. Имеется идиосинкразия на землянику. Проявлял крайнюю жестокость по отношению к животным. Образованность считает проявлением слабости. Уверен в её вреде.

Психическое состояние.

С врачом беседует живо и охотно. Активно жестиккулирует. Обычное, преобладающее настроение – напряжённая сосредоточенность... Излюбленные жесты и привычные движения – движения правой рукой во время речи вперед и вправо...

Часто напевает детскую песню «Жил был у бабушки серенький козлик». Мышление расплывчатое, отмечается резонёрство. Утверждает, что засыпает плохо – мешает обдумывание. Иногда больному слышатся голоса: Ульянова-Ленина, Маккиавели, Сталина, бога

кукурузы Хун Хунахпу. На начальном этапе больной самостоятельно отвлекался от этих «голосов», но впоследствии они практически полностью овладели его мыслями, мешали работать (хотя иногда он был в состоянии делать хорошие доклады и работы). В связи с чем был вынужден оставить работу. Утверждает, что в прошлой жизни был вождём племени индейцев-киче.

Может запоминать и точно воспроизводить большие тексты любой сложности, что проявляется как бред. Часто выдаёт это за свои мысли и произведения. Критическая оценка больным своего состояния отсутствует.

В отделении держится обособленно, малозаметно, пассивно подчиняется режиму отделения. После выписки планирует стать главой государства.

Неврологический статус.

Нарушено глазодвигательное движение правого глаза. Лицо симметричное. Язык по средней линии.

Обоснование психического статуса

Учитывая то, что у больного имеется мания величия (в прошлой жизни был вождём, намеревается стать главой государства) можно выделить как основной – парафренный синдром. В поведении больного выражены явления аутизма. Галлюцинации и бред порождают сильные аффекты агрессии и гиперактивности, политической и социальной деятельности.

Прогноз

Клинический неблагоприятный, учитывая возраст и длительность заболевания. Социально – психиатрический более благоприятный, так как на фоне проводимого лечения больной при выписке будет в состоянии выполнять посильный труд, а также простую профессиональную деятельность.

Тем временем Сергей Ильич уже закончил приготовления к трапезе, хотя назвать таковой её можно было с большой натяжкой. Первым делом Полковник надел привычную маску Сёдзё, потом долил ещё спирта в стакан и сделал ещё одну попытку не остаться в одиночестве в своём скромном застолье: «Так значит, не будешь?» – обратился он к Тимофею Ивановичу, опять получил отказ и задал тот же вопрос Свистунову. Семён Семёнович даже не удостоил его ответом. Босю Сергей Ильич проигнорировал.

Полковник опрокинул стакан в рот и громко крякнул от удовольствия. Корочка хлеба по-прежнему оставалась в полном распоряжении таракана. Сергей Ильич ядрёно крякнул три раза, он достал баян и принялся беспорядочно нажимать на кнопки, сдвигая и раздвигая мехи. Инструмент отзывался жалобным недовольством, постепенно его возмущение становилось всё более решительным, громким и гармоничным. Наконец музыкант внял стону баяна, в очередной раз сдвинул мехи и снова заорал песню Ю. Антонова: «Зажигает листья – свечи золотистой попой!» Полковник вскочил на ноги и, азартно приплясывая, продолжил:

Подарю тебе я вечер,
Самый настоящий.
Чтобы звезды в нем ...

В этот момент ему внезапно стало плохо, и позывы к рвоте остановили его блестящее выступление. Однако Семён Семенович был готов к такому повороту событий и быстро вытащил из-под кровати специально приготовленное для того случая оцинкованное ведро. Подставил его в хлам пьяному соседу по палате, и тот упал перед ним на колени, опустил туда голову

по самые уши и заорал: «У-у-у! У-у-у!!» Развернулся к ведру ухом, приложил палец к губам и прошипел: «Т-с-с-с. Тихо. Я эхо слушаю».

Разозлённый Свистунов пнул под зад трясущегося Полковника и крикнул:

– Ах, ты ж, козёл! Я думал он рыгать будет, а он, видите ли, эхо слушать собрался!

– Неа! Я честно! Случайно... – бессвязно завопил Сергей Ильич, вскочил на ноги и стремительно выбежал из палаты. Ему действительно стало плохо, и надо было успеть в туалет до извержения содержимого из недр желудка. Путь в подвал, где находился санузел, предстоял немалый, гораздо длиннее, чем расстояние от желудка до ротового отверстия.

Полковник бежал быстро, но не успел. Уже перепрыгивая через две ступени по лестнице в подвал, он прижал ладонь к губам, чтобы хоть как-то задержать поток рвущейся наружу жижи. До унитаза он не дотянул, и ближайший угол в санузле вынужден был приютить неперевавленную «шрапнель».

Сергей Ильич подбежал к жестяному шкафчику, в котором хранились принадлежности для работы уборщицы, опёрся одной рукой о стену, как можно ниже наклонил голову и выплеснул наружу дробины каши, сдобренные спиртом, желудочным соком и жеваным хлебом. Мгновенно протрезвевший мужчина тужился так, как будто поставил себе задачу вывернуть наизнанку желудок и изрыгнуть его из себя. Полковник, казалось, вошёл в азарт, топал ногами и отбивал поклоны, с каждым судорожным позывом наклоняясь всё ниже и ниже. В конце концов он стал биться лбом о стену, но сам этого не замечал. Потом вдруг громко крикнул: «Э-э-х!», отчаянно сорвал с себя тельняшку, вытер ею рот и швырнул в угол прямо в отвратительную жижу.

Процесс закончился так же резко, как и начался. В туалете воцарилась полная тишина. Сергей Иванович крикнул, смачно сплюнул прямо в свои испражнения, вытер локтем окровавленный лоб, затем двумя пальцами поправил тельник так, чтобы блевотины не было заметно и пошёл в душевую. Не снимая трико, он включил воду, сунул на несколько мгновений голову под струи холодной воды, и на этом освежающая процедура закончилась. На лице страдальца возникла маска «Ясэотоко» – измождённого мужчины.

Когда Полковник вернулся в палату, там царили покой и безмятежность. Бося спал, накрывшись с головой одеялом. Семён Семенович, лёжа на кровати, что-то увлечённо писал в тетради. Таракан Аркадий сидел на краю блюда и настороженно наблюдал за происходящим. Свистунов в свою очередь старался не тревожить доброе насекомое. Тимофей Иванович всё так же читал книгу на подоконнике. Это было самое светлое место в помещении. Врачебного обхода так и не случилось.

Вполне благополучное отделение. Чисто одетые и относительно сытые больные получали своевременное лечение, почти добропорядочные и грамотные врачи поддерживали спокойную атмосферу; не совсем устроенный быт не мешал тихому существованию граждан и течению размеренной жизни больницы. Новое медицинское оборудование и квалифицированные доктора давали надежду на скорое выздоровление, хотя покинуть стены лечебного заведения никто из больных особо и не стремился. Обитатели предпочитали спокойствие и небогатую сытость в больнице свободной, но суетливой жизни вне её пределов.

6

7 мая 1898 год, село Шушенское Красноярского края

Заканчивался девятнадцатый век, в котором Россия провела пятнадцать войн. В одиннадцати из них была одержана победа и только в одной – поражение. Остальные четыре закончились ни поражением, ни победой. Надежды высшего общества, купечества и бурно развивающейся буржуазии в новом столетии были связаны с экономическими и политическими реформами, чаяния простого люда ограничивались видами на богатый урожай в будущем 1899 году и заработками на заводах и фабриках.

Основания для радужных перспектив были. В последнее десятилетие уходящего века начался бурный экономический рост Российской империи. Государство становилась всё более мощной промышленно развитой страной.

С 1892 года начался самый резкий промышленный подъём. Строительство Сибирской магистрали, рост судостроения, более широкое использование станков, машиностроения, механизация сельского хозяйства вызвали в свою очередь спрос на уголь, нефть, металл. Рост производства происходил не только за счет модернизации старых мощностей, но в основном в результате строительства новых заводов и фабрик.

Начало сбываться предсказание Ломоносова о прирастании России Сибирью. Вновь проложенная магистраль позволила доставлять в европейскую часть империи хлеб, мясо, шерсть, масло. Начали развиваться сибирские города, такие как Томск, Новониколаевск, Омск. Увеличилось количество переселенцев в Сибирь.

Рост крупной капиталистической промышленности стимулировал развитие банковского кредита. Почти в два раза увеличился иностранный капитал. Зарубежные финансисты не только охотно покупали акции русских предприятий, но и сами основывали в России свои заводы и фабрики.

В основу экономической политики С. Ю. Витте (1849–1915 г.г.) были положены три основные составляющие: активное стимулирование государством промышленного развития; привлечение иностранных инвестиций в промышленность и железнодорожное строительство; расширение имеющихся и освоение новых внешних рынков для продвижения российских промышленных товаров на Ближний Восток, на Дальний Восток, на Средний Восток.

Результаты экономической политики Витте были впечатляющими. В 1893 г. в России начался небывалый промышленный подъем: Число фабрик увеличилось с 3000 до 9000. Объём промышленного производства вырос в восемь раз. Добыча каменного угля выросла с 110 млн. пудов до 684 млн. пудов. Добыча нефти – с 13 млн. до 487 млн. пудов. В 20-й век Российская Империя вступила с крупнейшей и лучшей в мире нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленностью: 94 % всей нефти перерабатывались внутри страны. Россия вышла на 5 место мире по объему производства. К концу 19 века в России завершился промышленный переворот.

За 12 лет протяженность железнодорожной сети удвоилась. Было завершено строительство Транссибирской железной дороги. Сложился комплекс предприятий тяжелой промышленности на юге России. В сфере культурной и социальной также был заметен большой прогресс. Ежегодно пособиями для нищих пользовались около семи миллионов человек. Выплаты производились сетью благотворительных учреждений под названием «Ведомство учреждений Императрицы Марии Федоровны». Строились богадельни и приюты, сиротские дома. Россия по уровню потребления алкоголя находилась на предпоследнем месте. Меньше пила только Норвегия. Впрочем, последнее нельзя считать достижением 19 века. Так было всегда вплоть до Октябрьского переворота.

Была проведена перепись населения и таковая составила 126 миллионов человек (без Финляндии). Самым многочисленным оставалось крестьянство, а городское население составляло чуть меньше чем восемь миллионов. Крестьяне жили трудно, порой, от урожая к урожаю едва сводили концы с концами. Часто бедствовали. В более выгодном положении находились те, кто жил близ городов и промышленных центров. Зимние заработки на фабриках и заводах позволяли им не только избежать голода, но и поддерживать более высокий достаток.

Однако деревню нельзя было назвать, вопреки сложившемуся мифу, грязной, немойтой и бедной. К концу девятнадцатого века положение крестьянства начинало меняться. Количество нищих определялось только их желанием вести такой образ жизни. Увеличилась прослойка так называемых середняков. Состоятельные крестьяне стали чувствовать себя увереннее, не боясь потерять нажитое, старались преумножить своё хозяйство.

Такова была приблизительная картина жизни в России. На этом фоне активизировалась, и политическая сфера деятельности просвещенной части общества. Повышение уровня жизни породило прослойку желающих жить ещё лучше, главное немедленно. Однако до поры до времени правоохранительные органы контролировали большинство лидеров либерального движения. При малейшей возможности их деятельность купировалась, в том числе и высылкой в места достаточно отдалённые, но вполне комфортные для проживания.

Владимир Ульянов перед отправкой в ссылку и по дороге в глухую Сибирь испытывал сильную робость, граничащую со страхом. Ему казалось, что место, которое было назначено для проживания, представляло собой унылую, мрачную и убогую деревню. Жить там решительно невозможно, а пребывание непременно должно было закончиться для ссыльного как минимум чахоткой. Вспоминалось родное Кокушкино, мечталось отбыть ссылку там.

Убогий, как казалось молодому человеку, вагон наводил тоску. Взгрустнулось до слёз. Молодой человек вспоминал Аполлинарию Якубову, в которую был чрезвычайно влюблён. В тюрьме Володя так хотел, чтобы девушка пришла к тому месту, где он мог увидеть её из тюремного окна, но приходила только Надя Крупская по прозвищу Рыба.

Острый ум начинающего социалиста позволял давать очень меткие клички участникам тайных собраний. Зинаида Невзорова из-за склонности к полноте стала Булочкой. И лишь Аполлинария Якубова получила нейтральную кличку – Кубочка. Сам Ульянов стал Стариком, что тоже вполне отвечало его внешнему виду. В свои молодые годы выглядел он значительно старше.

Кубочка всё – таки порадовала его, встретив при выходе из заключения. Она радостно бросилась ему на шею и поцеловала. Как оказалось – на прощание. Через некоторое время девушка также отправилась в сибирскую ссылку и отбывала её неподалеку. Тем обиднее было, что она вовсе не стремилась увидеть его и всё это время ограничивалась поздравительными открытками.

Поездка наконец подошла к концу. Каково же было удивление и радость двадцатисемилетнего Володи, когда он увидел светлую деревню, добротные дома и спокойные и приветливые лица крестьян. Как будто камень упал с души, стало веселее.

К настоящему моменту Ульянов уже давно утвердился в своём выборе. Политика была именно той стезёй, которая могла позволить молодому человеку реализоваться в своих честолюбивых помыслах. Душа требовала известности, власти и лидерства. После того как стало понятно, что отбывание наказания обещает быть достаточно комфортным, мысли вернулись к политической деятельности и теперь стало жаль потерянного времени.

Шушенское было довольно отдалённым от больших городов селом, и поэтому здесь часто отбывали ссылку политически неблагонадёжные. По этой причине Ульянова здесь встретили равнодушно и без враждебности. Отдалённость не означала заброшенность и нищету. Здесь были представлены все институты власти. Сельский голова располагался в отдельном чистеньком кабинете, не загроможденном мебелью. В углу стоял вместительный сундук, на стене

висели большие часы. Перед казённым зелёного сукна столом, постелен простой половинок, связанный из разноцветных лоскутов. Несколько окон, тщательно выбеленные стены делали кабинет больше похожим на жилую комнату, чем на присутственное место. С другой стороны подобная чистота вселяла в посетителей, в большинстве своем простых крестьян, робость. Даже Ульянов, впервые попав на приём к местному начальству, почувствовал некоторую стеснённость.

В этой же избе, только в комнате большего размера, чем та которую занимал сельский голова, но такой же идеально чистой и светлой находился волостной мировой суд. Здесь принимались решения о наказании за кражи, присвоение чужого имущества, мотовство. Даже пьянство подлежало наказанию полутора десятками ударов плетью. Более того, наказывалось даже прошение милостыни по лени и привычке к праздности. За это полагалось тюремное заключение до одного месяца.

Тюрьма была срублена на задах и имела четыре помещения: три камеры, кабинет смотрителя, объединенные длинным коридором. Окна небольшие, но без решёток. Тюремный двор образовывался бревенчатым частоколом высотой около шести метров. Также был свой полицмейстер и судебные приставы.

Крестьянские дома в деревне как на подбор крепкие и просторные. Даже бедняцкие хозяйства не казались нищими и убогими. Так что вкупе с потрясающей природой достаточно удаленное поселение производило доброе впечатление, и задворками империи его можно было назвать с большой натяжкой, только учитывая географическую отдаленность.

Три года долгий срок. Единственный способ остаться в поле зрения политического сообщества, чего Ульянов чрезвычайно желал, это опубликовать статьи в соответствующей прессе. Ещё лучше издать книгу или сборник политических статей. Владимир выбрал первое, не отказываясь, впрочем, и от второго. Благо, что ещё в тюрьме молодой человек набросал тезисы будущей работы, которая была опубликована отдельной книгой и впоследствии по праву считалась очень авторитетным и профессионально написанным трудом. В дальнейшем получила известность под названием «Развитие капитализма в России».

Как оказалось, единственной проблемой в ссылке был переизбыток свободного времени. Именно здесь Владимир приобщился к охоте. Очень азартным охотником он так и не стал, но первый год ссылки, до приезда Надежды Крупской, очень часто бродил по перелескам и озерам вместе с Зыряновым, у которого снимал комнату.

Даже в день приезда будущей супруги Ульянов был на охоте. Возвращался он уже затемно. В тот раз Аполлон Зырянов оказался занятым по хозяйству, и Владимир, взяв ружьишко, отправился один. Бродил он долго, впрочем, безуспешно. Молодой человек не любил слыть неудачником и поэтому сильно задержался в надежде подстрелить хоть какую-нибудь дичь. Уж очень не хотелось ему возвращаться с пустыми руками.

Сконфуженный Ульянов быстро шагал по деревенской улице без трофея. К счастью сумерки скрывали его от посторонних глаз. Никем не замеченный Владимир подошёл к воротам и тут же остановился от удивления. Все окна в доме горели, в том числе и в его комнате.

Ульянов с раздражением открыл калитку и увидел хозяина дома. Тот стоял на высоком крыльце и хмуро смотрел на постояльца. Молодой человек скинул ружье и прислонил к забору. Затем махнул рукой в сторону горящих окон своей комнаты и недовольно спросил:

– Это что же там происходит, милостивый государь? Кто ко мне пожаловал без моего ведома и приглашения?

Ответ Зырянова окончательно вывел Ульянова из равновесия.

– Ваш изрядно пьяный приятель Энгберг без разрешения ворвался в дом, долго шумел и ругался, потом разбросал все ваши книжки и теперь, кажется, уснул прямо на полу, – огорчённо развёл руками Зырянов.

Оскар Энгберг – финн по национальности, рабочий Путиловского завода – тоже отбывал здесь ссылку и частенько заглядывал к Ульянову, чем скрашивал одинокие и долгие вечера Владимира. Но не таким же образом!

– Что!?! – вскричал Владимир, бросился в дом и едва не сбил с ног Крупскую. На несколько секунд молодой человек онемел от удивления. Если бы не громкий хохот Зырянова за спиной и смех Энгберга из глубины дома, эта пауза продлилась бы неизмеримо дольше. Так состоялась первая встреча в ссылке Владимира с невестой.

Ранее, через несколько месяцев после прибытия в Шушенское Ульянов загрустил. Зырянов сразу понял, в чём дело и полушутливо принялся сватать молодого человека, предлагая ему в невесты местных девок, но тот упорно отказывался по одной только ему известной причине. Не так давно Владимир написал «симпатическими» чернилами своей соратнице Надежде Крупской письмо, в котором он предлагал ей приехать к нему в качестве жены. Получив короткий ответ: «ну что ж, женой так женой», Ульянов принялся хлопотать о переводе невесты, которая также в этот момент отбывала ссылку, к нему в Шушенское.

Из прошения Н. К. Крупской министру внутренних дел:

«Выходя замуж за Владимира Ильича Ульянова, находящегося в енисейской губернии, Минусинском округе, селе Шушенское, я обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбою назначить мне местом высылки, если таковая последует мне в виде наказания, местожительство моего жениха.

Избирая Сибирь местом высылки, я прошу также о сокращении её до двух лет в виду того, что через два года кончается срок ссылки моего жениха, а также в виду того, что со мною едет мать.

1898 года, января 9-го дня.

Н. К. Крупская.

Министр империи – «тюрьмы народов» просьбу удовлетворил.

Затем потянулись долгие дни ожидания. Бюрократическая машина надолго задержала встречу жениха и невесты. Но вот наконец случилось – все разрешения получены! Матери Владимир собрался написать письмо лишь несколько дней спустя:

«Приехали ко мне, наконец, дорогая мамочка, и гости. Приехали они седьмого мая вечером, и как раз ухитрился я именно в этот день уехать на охоту, так что они меня не застали дома. Я нашёл, что Надежда Константиновна высмотрит (так в оригинале – прим. автора) неудовлетворительно – придётся ей здесь заняться получше своим здоровьем. Про меня же Елизавета Васильевна сказала: «Эк Вас разнесло!» – отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо!»

Это было действительно так. Жил Ульянов сытно и благополучно. Питание было весьма отменным. Каждую неделю для него закалывали барашка, а физическими трудами ссыльный обременён не был. За полный пансион молодой человек платил хозяину дома Зырянову восемь рублей в месяц – всё то пособие, что выдавало ему государство для обеспечения безбедного существования в ссылке. Ещё и матушка присылала денег.

Несколько месяцев вплоть до апреля документы ходили по полицейским инстанциям, а затем в период ледохода всякая связь с «большой землёй» и вовсе прекратилась. Только седьмого мая первый пароход доставил Надежду Крупскую с её мамой Елизаветой Васильевной в соседнее село, откуда они добрались до Шушенского глубоким вечером. Именно поэтому приезд невесты оказался таким неожиданным для Владимира.

Тем временем был накрыт стол для скромного торжества, которое, впрочем, не затянулось. Оскар Энгберг, получив в подарок набор ювелирных инструментов, скоро попрощался и

счастливый удалился. В прошлом до ареста и ссылки он подвизался учеником ювелира, и этих навыков ему хватило, чтобы впоследствии к венчанию молодоженов изготовить два обручальных кольца из медных пятак.

Затем раскланялся и Зырянов. Последней ушла мать Надежды на ночлег в соседнюю комнату, предусмотрительно отвоеванную Ульяновым у местного попа, который тоже намеревался там поселиться.

Казалось бы, сейчас должен был случиться романтический вечер молодоженов с логическим любовным продолжением, но нет. Надежда принялась рассказывать жениху о политической обстановке и текущих делах революционно настроенной молодежи. Удивительно, но именно этого, а не любовных ласк ожидал от невесты Ульянов.

Вначале он внимательно слушал Крупскую, держа её руку в своих ладонях, затем встал и принялся энергично расхаживать по комнате вокруг круглого стола, сбивая половики. Постепенно шаг его замедлялся, вместе с тем терялась уверенность в голосе Крупской. После завершения очередной мысли пауза все больше затягивалась, а лицо Надежды становилось растерянным. В конце концов, она умолкла, а Владимир остановился, взял стул и уселся на него верхом напротив невесты. Ульянов посмотрел ей прямо в глаза и произнёс:

– Наденька, что происходит? Ты чего-то не договариваешь...

Крупская молчала, а молодой человек продолжил жёстким тоном:

– Моя дорогая, давай договоримся так... ты помнишь я тебе рассказывал, что в юности мне нравился рассказ Тургенева «Андрей Колосов»? – Владимир дождался, пока невеста в знак согласия кивнула головой и продолжил. – Так вот... необходимо доверять друг другу и ни о чём лишнем не спрашивать. С другой стороны будем искренними и откровенными. Ты согласна?

Надежда вновь кивнула головой, но в этот раз Ульянов лишь многозначительно промолчал в ответ. Совершенно тихим и робким голосом Крупская произнесла:

– В марте состоялся учредительный съезд социал – демократической партии.

– Как? – воскликнул Ульянов и вскочил с места. – Кто? Кто там был?

– Я не знаю подробностей, узнала мимоходом перед отъездом. Точно знаю, что инициатором был Струве.

– Ах, мегзавец! – вспыхнул молодой человек, и от волнения его картавость только усилилась. Владимир в сильном возбуждении вновь принялся бегать вокруг стола, размахивая правой рукой. Левая при этом спокойно была вложена в карман брюк.

– Мегзавец! У них ничего не получится! Кто там ещё был? – продолжал возмущаться Ульянов. Крупская предполагала, что известие о создании социал-демократической партии вызовет у жениха недовольство, но такого гнева она не ожидала. По твердому убеждению молодого политика такое событие должно было случиться непременно под его руководством.

В раннем детстве, чтобы добиться своего Володя частенько падал на пол, стучал ногами и орал. Теперь это выражалось в таком нервном возбуждении, но внутренний посыл – добиться желаемого любым способом – оставался прежним.

Надежда продолжала молчать, и это было самым мудрым решением. За стеной принялась деликатно покашливать разбуженная Елена Васильевна, чем немного охладила пыл молодого человека. Торопливые шаги в комнатах Зыряновых окончательно успокоили Ульянова.

«У них» действительно мало, что получилось. Сразу после учредительного съезда практически все его члены были арестованы полицией и не смогли объединить разрозненные группы в единую партию. Свое развитие и бурную деятельность социал-демократическая партия обрела лишь после возвращения Ульянова (Ленина) из ссылки.

7

НИИ психического здоровья, палата Свистунова

Время тянулось медленно, но приятно. Казалось «dolce far niente» – сладкое ничегонеделание – обрело осязаемые формы и поселилось здесь навеки. Покой и безмятежность, по-прежнему, главенствовали в пределах одного помещения. Под мерный храп пьяного Полковника обитатели палаты занимались каждый свои делом. Сергей Ильич навзничь лежал на кровати, и с его, мокрого после душа, трико на пол капала вода, образуя лужицу, которая подзрительно напоминала плоды здоровой работы почек. Впрочем, возможно, так оно и было.

Мертвецки пьяный мужчина перевернулся на живот, и струя мочи зажурчала прямо на пол. Сергей Ильич облегчённо застонал. Обитатели не обратили на это событие ни малейшего внимания. Во-первых, уже привыкли, а во-вторых, точно знали, что Полковник после того, как очнется от сна, сам уберёт за собой. Подобные эксцессы, а таковое случалось далеко не впервой, обычно приносили страдания только его верному приятелю таракану Аркадию. Вот и сейчас он попал под вонючие брызги и теперь обиженно вытирался лапками, отбежав на безопасное расстояние. Затем Аркадий тяжело вздохнул и удалился в темноту ближнего угла. Таракан безмолвствовал, да и не мог ничего сказать, хотя ему было что, сообщить обитателям палаты. Он предчувствовал беду.

Сергей Ильич, уткнувшись носом в подушку, глухо прокричал: «Золотая лестница без педрил» и снова захрапел. Несмотря на кажущуюся беспечность, жизнь Аркадия нельзя было назвать благополучной. Каждодневный риск попасть под ноги своих старших сожителей по палате, угнетал таракана. Еды тоже, порой, не хватало. Те крохи, что перепали ему со стола Сергея, частенько оказывались несъедобными. Всё вкусное тот съедал сам. Больше всего оставалось спирта. Поначалу Аркадий не любил эту вонючую жидкость, но потом пристрастился, однако алкоголиком не стал и лишь изредка в одиночестве напивался от тоски.

Несколько раз он пытался изменить свою жизнь. Однажды, сильно обидевшись, сбежал в соседнюю палату, но быстро вернулся. Там были другие тараканы, которые своим его так и не признали.

Сегодня Аркадий в очередной раз переживал душевный кризис. Он отчистился от полковничьей мокроты и засеменил в сторону нового обитателя, который по-прежнему сидел возле окна и читал книгу. Сердобольный Тимофей Иванович склонился над несчастным насекомым и, чуть подталкивая того мизинцем, направил к плинтусу. Таракан заполз в щель и замер. Это темное и тёплое место ему нравилось. Здесь было значительно безопаснее.

Семёну Семёновичу не спалось. Обычно время после завтрака и до обеда он проводил в сладкой дрёме, но сейчас тревожное чувство подняло его с постели. Свистунов прислушался к неясному шуму где-то в лабиринтах полутёмных коридоров лечебницы. Семён привычно сунул жилистые ноги в дерматиновые тапочки и направился к столу. Там плеснул в стакан из гранёного графина теплой воды и залпом выпил.

В палате вновь воцарилась полная тишина. Даже Полковник перестал храпеть. Шум за дверями стал явственнее, но вновь никто не придал этому значения. Толстяк Бося забормотал нечто невразумительное из своего угла. Судя, по отдельным словам, он бубнил какие-то философские тексты. Где уникам вербальности мог их услышать, осталось загадкой.

8

Тимофей Иванович был уже довольно стар, скорее всего, старше восьмидесяти лет, но держался он бодро. Паутина глубоких морщин покрывала его всегда светлое лицо, да и седая борода молодости новому постояльцу не добавляла. Только яркие голубые глаза и лучистый взгляд делали его несколько моложе.

Даже преклонные годы иногда бывают несовместимы с мудростью, но это был тот самый случай, когда житейский, а порой мистический опыт позволяют человеку правильно оценивать не только бытовую ситуацию, но и то, что лежит вне пределов физического восприятия.

Тимофей Иванович был немногословен, но даже по тем коротким фразам, что он произносил, становилось понятно, что он человек образованный. Мысль формулировал кратко, но ёмко, ударения в словах делал исключительно грамотно. В речи его присутствовали архаизмы, однако неологизмов не было вовсе. Свистунов чувствовал, что этот человек может мыслить глубоко и независимо о политике, экономике, морали, короче обо всём том, о чём постоянно думал Семён, но поделиться было не с кем.

Семён Семёнович замешкался возле стола. Ему хотелось поговорить с новым постояльцем, но повод для беседы никак не приходил на ум. Тогда Свистунов налил ещё стакан воды и присел на стул. Пить он не стал и только ожидал удобного момента, когда Тимофей Иванович оторвётся от чтения. Возможно, разговор так бы и не состоялся, но тут из-под плинтуса вылез таракан и просительно уставился на нового покровителя. Постоялец посмотрел на Аркадия и ласково спросил:

– Ну, что? Проголодался бедолага?

Семён не растерялся, вынул из кармана кусочек сухаря, подошёл поближе и положил его перед тараканом.

– Ешь, – произнёс Свистунов и продолжил, обращаясь уже к Тимофею Ивановичу. – А за что вас сюда...?

Постоялец лукаво улыбнулся в ответ.

– Ну, то есть я хотел сказать... – попытался оправдаться Семён.

– Вы хотели сказать с каким диагнозом?

– Да, – окончательного смутился Свистунов.

На самом деле то, что он спросил, можно было считать крамолой. Официально в больницу могли поместить только по причине болезни, но отнюдь не в наказание.

– За то, что я читал книгу в неподобающем месте, – совершенно спокойно пояснил Тимофей Иванович.

– То есть, как это? Разве есть такие места? – удивился Свистунов и чуть не пролил воду на пол.

– Есть.

– Где? – продолжил удивляться Семён, чувствуя подвох.

– В библиотеке, – лаконично ответил собеседник.

Свистунов едва не расхохотался, но посмотрел в глаза собеседнику и понял, что тот вполне серьёзен.

– Там можно читать только их книги. В смысле, библиотечные, – пояснил Тимофей Иванович.

– Можно же было взять там, у них, книгу, да и читать себе спокойно, – принялся размышлять вслух Семён.

– У них нет таких книг.

Свистунов вдруг почувствовал, что в горле у него пересохло, и он залпом выпил стакан воды. От волнения Семён Семёнович не придумал ничего лучшего как сказать:

– Боська, ты бы отворил дверь. Ужас как Полковник воняет.

Вместе того, чтобы кинуться к дверям толстяк оживленно забормотал и затем довольно отчетливо произнёс: «Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий...»

Свистунов и Тимофей Иванович как по команде повернули головы в сторону вещателя и замерли в ожидании продолжения. Таковое не замедлило последовать. «Лет пятнадцать тому назад молодые люди занимались только военною службою, старались отличиться одною светскою образованностию или шалостями; литература (в то время столь свободная) не имела никакого направления; воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных начертаний...» – продолжил удивлять своими способностями вербальный гений.

– Оп-па! – восторженно хлопнул в ладоши Тимофей Иванович и склонил голову набок, демонстрируя полное внимание. Свистунов с трудом понимал, что такое вещает Бося, но тоже не остался равнодушным к сказанному. Даже Аркадий, вновь спрятавшийся под плинтусом, высунул длинные усы из щели и теперь медленно шевелил ими, демонстрируя интерес к происходящему.

«Десять лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные», – завершил свою тираду Бося и направился отворять дверь. Толстяк был явно доволен произведённым эффектом, и тщеславие нездоровым румянцем проступило на его лоснящихся щеках.

– Что это было? – растерялся от недоумения Свистунов.

– Где это он Пушкина начитался? – задал, скорее, риторический вопрос Тимофей Иванович и пояснил свою мысль, обращаясь к Семёну. – Это статья, официальная записка, «О народном воспитании» была составлена Пушкиным по распоряжению Николая I. Опубликована в 1884 году. Не правда ли, актуальна и в нынешние времена? Однако, где он её умудрился прочесть?

– Сильно! Он читать не любит. Всё услышанное он запоминает, как магнитофон, а потом точно воспроизводит как свои мысли. Так что, уместнее поинтересоваться, где он этого наслушался, – промолвил в ответ Свистунов.

– И где же? – полюбопытствовал Тимофей Иванович.

Ответить Семён не успел, потому что Бося продолжил свои разглагольствования, но теперь уже совсем в ином ключе. Уникум начал бегать по палате, яростно размахивая руками, как будто он выступал с высокой трибуны, а перед ним была многотысячная толпа слушателей. Глаза толстяка вдруг налились кровью, черты лица исказились злобой, мокрые губы изрыгали лозунги: «Мы уничтожили Советский Союз – уничтожим и Россию! Россия это вообще лишняя страна! Православие – главный враг Америки! Россия – побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «это была не Россия, а Советский Союз» – значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздробленной и под опекой!!»

Свистунов не выдержал, подскочил к оратору, схватил его за грудки и взревел:

Ты что, муха-ссыкатуха, совсем обнаглел? Забыл, чем носки командира пахнут? – Заткнись гад! Заткнись, иначе я тебя уничтожу! Ишь, паскудник, как заговорил. Оперился что ли? Мозги свои заимел или рецидив очередной начался? В карцер захотел? Я мигом санитаров вызову.

Карцер находился во флигеле в дальнем углу двора через стенку с моргом, поэтому там всегда стояло отвратительное зловоние. На этом минусы заканчивались и начинались плюсы. В камере имелся вполне сносный топчан с мягким матрацем, тёплое одеяло и подушка. Кормили там, едва ли не лучше, чем в больничной столовой. Однако больные боялись попасть в карцер, видимо из-за соседства с мертвецами. По необъяснимой причине, всех запертых там, штрафников мучила бессонница или ночные кошмары.

Бося тут же сник, и показалось, что толстяк вдруг похудел сразу на пару десятков килограммов. Семён Семёнович оттолкнул вербального гения на кровать и, тяжело дыша, бухнулся на стул.

– Не переживайте так сильно, друг мой, – попытался успокоить Свистунова Тимофей Иванович. – Это тоже не его мысли, хотя от этого, пожалуй, ещё хуже. На этот раз он цитировал высказывания одного заметного американского политика и русофоба по имени Збигнев Бжезинский. Ныне покойного. Только непонятно, откуда он взял об уничтожении СССР?

В тишине было слышно только тяжелое дыхание Свистунова, и громкий храп Полковника.

– Скажите мне, Семён, а где он мог это услышать? – продолжил говорить Тимофей Иванович. Семён Семёнович только пожал плечами в ответ, вытер губы рукавом пижамы, подумал и произнёс:

– У нас тут много умнейших людей на излечении... вполне мог нахвататься...

– Однако судя по высказываниям этого... – новый постоялец покосился взглядом в сторону уника и продолжил, – ...тут у вас царит разгул плюрализма.

– А что это разве плохо? Всё-таки демократия... – начал было говорить Свистунов, но был прерван собеседником:

– Молчите! Я прошу вас, молчите. Что такое плюрализм в семье? Это разврат и супружеская измена. Что такое плюрализм в государстве? В конечном итоге – это гражданская война. Что такое плюрализм в отдельно взятой голове? – Тимофей Иванович многозначительно посмотрел на Босю и вновь сам ответил на свой вопрос. – Это шизофрения.

– Ну, так ведь у нас... – попытался сказать Семён, и опять был прерван собеседником:

– То-то и оно! Тут и лечат как раз от шизофрении или иными словами от плюрализма. Причём, плохо лечат. Не случись тут этого самого плюрализма, то здесь давно была бы санаторно-курортная лечебница, а не психиатрическая больница со всеми вытекающе – отягчающими последствиями. И можете мне поверить, как только вытрясут этот плюрализм из голов таких вот..., жить станет значительно комфортнее. Потому как, по сути, это предательство идеалов нации, каждая из которых имеет свои специфические особенности и исторические корни. В первую очередь – религиозные.

– Да, но ведь демократия – это залог... – попытался защитить свои взгляды Свистунов и вновь у него это не получилось.

– Бросьте вы! Какая разница, каким способом приходит к власти мерзавец? Путём «демократических» выборов или просто назначен? За годы своего шестилетнего правления он может исковеркать страну до неузнаваемости, а то и просто «сдать» более сильной империи. Кстати, именно таким – выборным – путём проще всего поставить марионеточного правителя.

– Вы «анархист-индивидуалист»? – пытался пошутить Семён.

– Я принимаю любую власть, ибо она от Бога. Вам советую подумать: не будет ли самым заинтересованным в процветании государства властитель, являясь реальным хозяином своей земли?

– То есть вы полагаете, что монархизм самый лучший способ управления страной? – с некоторой долей иронии спросил Свистунов.

– Какая разница, монархизм, не монархизм? – задал риторический вопрос Тимофей Иванович и продолжил размышления, – главное, чтобы этнос проживал в пределах своей веры,

языка, обычаев и традиций и не вторгался в чужую культуру. Политическое устройство само собой сложилось в соответствии с менталитетом народа. Не дай Бог при этом вторгаться в иной мир со своими устоями. Это непременно приведёт к хаосу, какими бы благими намерениями не руководствовался «превоситель» более «высокоразвитой цивилизации». Смею вас уверить, такие свободы служат лишь прикрытием экономических и геополитических выгод. Иными словами стремлений к превосходству одних над другими во всех аспектах земного существования.

Семён Семёнович задумался, пытаясь осмыслить услышанное. Он никак не ожидал от своего собеседника таких заявлений. Заскрипела кровать, пьяный Полковник поднялся со своего ложа и тоже ошарашено посмотрел на нового постояльца. Затем наклонился и заглянул под кровать.

– Баян свой не хватай! – строгим возгласом остановил его Свистунов. Сергей Иванович послушно замер. Возникшую было тишину, вновь нарушил Бося. Он заложил правую руку за лацкан пижамы, левую закинул за спину и принялся важно расхаживать по палате, презрительно посматривая на окружающих. В его глазах светилось негодование и благородный гнев. Обитатели палаты с интересом наблюдали за преобразившимся толстяком и ждали, что будет дальше. Бося не замедлил принять новый образ.

«Ну что, господа бунтовщики? – обратился сразу ко всем больным оратор и, видимо, опасаясь быть прерванным, немедленно продолжил. – Вы утверждаете, что поднялись за свободу для крепостных и Конституцию? Похвально. Прошу тех из вас, кто дал эту самую свободу крепостным – да не выгнал их на улицу, чтобы те помирали, как бездомные собаки, с голоду под забором, а отпустил с землёй, подъёмными и посильной помощью – поднять руку. Если таковые имеются, дело в их отношении будет прекращено, так как они действительно поступают согласно собственной совести. Я жду. Нет никого?»

После долгой паузы Бося сделал несколько шагов, перед окном круто развернулся и продолжил движение твёрдой поступью. Теперь на его лице висела маска «Нмахагэ» – демона суровой жизни. Это выглядело достаточно комичным, но обитателям было не до смеха, и они растерянно ожидали от оратора дальнейших действий. Только на лице Тимофея Ивановича блуждала едва заметная улыбка.

Бося, тем временем, продолжил строгую речь: «Как странно... Я-то своих крепостных отпустил в Лифляндии в 1816-м, а в Тамбовской губернии в 1818-м. Все вышли с землёй, с начальными средствами. Я заплатил за каждого из них податей за пять лет вперёд в государственную казну.

И я не считаю себя либералом или освободителем! Мне так выгоднее. Эти люди на себя лучше работают. Я зарабатываю на помоле, распилке леса и причём для моих же бывших крестьян. Я уже все мои расходы покрыл и получил на всём этом прибыль. И я не выхожу на площадь с безумными заявлениями или протестами против государя или, тем более, против Империи!..

Так как вы ничем не можете доказать, что дело сие – политическое, судить мы вас будем как бунтовщиков и предателей Отечества, навроде⁶ Емельки Пугачёва. А теперь – всех по камерам! В одном этапе с уголовными пойдёте, сволочи!».

Гордый «предводитель дворянства» удалился в свой угол и чинно присел на кровать, гордо выпятив грудь. После чего, мгновенно преобразился в обычного больного, запахнул халат, а благородство, написанное на его лице, сменилось робостью.

– Да...похоже, Бося реально умом тронулся, – констатировал окончательно протрезвевший Сергей Иванович.

⁶ Сохранён оригинальный стиль первоисточника (прим. авт.)

– Отнюдь, – возразил ему Тимофей Иванович. – Это он нам сейчас пересказал речь Александра Христофоровича во время первого допроса декабристов.

– Кто такой Александр Христофорович? – любопытствовал Семён Семёнович, не стесняясь своей неосведомленности.

– Бенкендорф? Глава третьего отделения тайной полиции, – ответил Тимофей Иванович, – но тут интересно другое – Опять же, где наш сожитель мог услышать такие детальные подробности истории Российской империи?

– Однако! – удивился Свистунов и посмотрел на Босю. – Знатоков творчества Пушкина и даже Бжежинского, пожалуй, можно встретить среди нашей братии, но, чтобы Бенкендорфа? Впрочем, историки тоже среди нас есть.

Бося сидел в своём углу и теперь уже злобно исподлобья озирался по сторонам.

– Тогда, ясно! Интересно, что он нам ещё выдаст? – воскликнул Тимофей Иванович.

– Похоже, этому братцу вообще всё равно, что городить, лишь бы оказаться в центре внимания, – предположил Семён Семёнович.

– Я так не думаю... – возразил собеседник. – Есть опасения, что всё гораздо сложнее и опаснее.

– Чем опаснее? Кому? – уточнил Свистунов.

– Он что, своего вообще ничего не говорит? – вместо ответа спросил Тимофей Иванович.

– Ну почему же. Вполне нормальный товарищ, – равнодушно пожал плечами Семён Семёнович. Вся беседа проходила в присутствии Боси, который теперь поднялся с места и, весело напевая «жил был у бабушки серенький козлик», припрыжку направился к выходу. Вид у него был доброжелательный и несколько смущённый, вполне соответствующий маске «Сютэн-дзоудзи» – пьющего мальчика, который с рождения стал прикладываться к сакэ и был при этом силен и мудр. По-видимому, Бося – мальчик слышал всё, что о нём говорилось, и воспринял это как похвалу.

– Послушайте... – начал было говорить Свистунов, но осёкся. Он увидел, что его собеседник вновь склонился над книгой и продолжил чтение так, будто и не было ни беседы, ни удивительных заявлений, ни монологов Боси, который в этот момент тихонько открыл дверь и выскользнул из палаты.

– Куда? – крикнул ему вслед Семён Семёнович, но ответа не последовало.

Из истории болезни

Анамнез жизни

Свистунов Семён Семёнович, 48 лет. Единственный ребёнок в полной семье. Оба родителя имели высшее образование. Психических расстройств не имели. Когда больному исполнилось 14 лет, мать оставила семью. Далее больному воспитывался отцом. Отец умер рано. Больной окончил военное училище, был кадровым военным. Участвовал в горячих точках. Получил тяжёлую контузию и был уволен из рядов ВС. В дальнейшем получил второе высшее образование: история, но по новой специальности не работал. Проходит длительное лечение

Анамнез заболевания

В течение пятнадцати лет проходит стационарное лечение. По характеру спокойный, упрямый. До 12 лет страдал энурезом. Сангвиник. Читать научился сам в возрасте пяти лет по детским игрушкам (кубики с алфавитом) Добрый и сострадательный. Считает себя мизантропом. Плачет под звуки марша «Прощание славянки» и начинает маршировать.

Утверждает, что видит вещи сны. Слышит голоса неизвестных людей и записывает всё ими сказанное. На вопрос «зачем он это делает?» отвечает, что в противном случае у него голова взорвётся. Свои записи называет рассказами, а себя считает писателем.

Психическое состояние

Больной выглядит аккуратно, следит за своим внешним видом и гигиеной. В контакт вступает избирательно, на вопросы врача отвечает односложно. Общается неохотно. Во времени и обстановке ориентируется адекватно и уверенно. Лицо амимичное, выражение – безразличное. С посторонними может быть и скрытен, и общителен. Страдает биполярными аффективными расстройствами в легкой степени выраженности.

Трудоспособность сохранена. Поведение – правильное, соответствующее болезненным переживаниям. Сон поверхностный, нарушенный. Легкая степень агрипнии. Мышление обстоятельное, логичное и последовательное. Обладает большим словарным запасом. Начитан, часто и к месту приводит цитаты писателей, философов, политических деятелей мыслителей. Волевых расстройств не наблюдается. В отделении держится обособленно. В палате является неформальным лидером, среди больных имеет авторитет и уважение.

Неврологический статус

Обоняние сохранено, глазные щели широкие, движения глазных яблок активные; нистагма нет. Диаметр зрачков – 8, реакция на свет положительна; конвергенция и аккомодация сохранена. Асимметрия лица не определяется, носогубные складки, уголки рта расположены правильно, симметрично. Чувствительность на лице сохранена. Красный дермографизм сменяет белый. Сила, тонус мышц сохранён. В позе Ромберга – устойчив. Пальце-носовая проба выполняется правильно. Патологические рефлексy не определяются. Слух сохранен.

Обоснование психического статуса

В связи с тем, что в «литературных» записях больного обнаружены навязчивые сомнения, представления, образы, рассуждения, состояние его можно характеризовать как, обсессивный синдром. Имеются дополнительные симптомы такие как, эмоциональное напряжение, состояние душевного дискомфорта, бессилия и беспомощности в борьбе с обсессиями.

Прогноз

Краткосрочный прогноз благоприятный, т. к. базовое состояние пациента удовлетворительное, на фоне лечения наблюдается выраженный положительный эффект лекарственной терапии.

Долгосрочный прогноз благоприятный при условии правильно проведённой психотерапевтической терапии.

Рекомендации:

Необходимо проведение рациональной психотерапии и лекарственной терапии (необходим обязательный прием лекарств, прописанных для приема в домашних условиях) для сохранения периода ремиссии.

Бося, высоко поднимая колени и громко шлёпая тапками по полу, торжественно маршировал по коридору. Путь его лежал в подвал, где располагался единственный на всё отделение санузел. Особой нужды в этом не было, поэтому доморощенный гений не спешил. Наедине с собой и вне постороннего глаза мужчина мог себе позволить надеть маску «Тюдзё» – молодого аристократа. Довольный собой он остановился возле окна, единственного не покрашенного краской по той простой причине, что оно выходило во внутренний двор лечебницы.

Сейчас там громко урча, разворачивалась санитарная машина. После того как она остановилась, из кабины с одной стороны резво выскочил водитель в рваной телогрейке, а с другой степенно, стараясь не испачкаться, выбрался неизвестный господин в старомодном костюме и шляпой-котелком на голове. Вместе они обошли микроавтобус и остановились позади него.

Незнакомец внимательно осмотрел пломбу на двери, удовлетворенно кивнул и погладил ладонью большие залысины. Затем он сделал несколько шагов в сторону, а водитель вернулся обратно в кабину. Через мгновение машина развернулась и встала задними дверями к служебному входу так, чтобы высадка пассажиров оставалась скрытой от посторонних глаз. Так делалось всегда, когда, либо увозили трупы, либо привозили новых больных.

Едва зародившийся у Боси интерес к этому быстро событию погас, и он двинулся дальше. На пару минут «магнитофонный гений» задержался в главном холле, где его привлекло большое объявление: «Всем, кто равнодушен к честному и справедливому лечению! Всем, кто жаждет быстрого выздоровления! Даешь! Революцию «цветных пилюль»! Завтра перед обедом состоится митинг «Марш здоровья». Далее мелкими буквами приписано краткое уточнение: «выступления будут проходить во время обеда в столовой».

Мужчина несколько раз перечитал объявление, сделал губки дудочкой, злорадно покачал головой и двинулся дальше, важно заложив руки за спину. Маска Тюдзё по-прежнему болталась на его лице.

Путь больничного гения лежал по длинному коридору мимо столовой. Возле входа в пищеблок толпился народ. Больные живо обсуждали предстоящее мероприятие. Судя по общему тону и некоторой взвинченности здесь противостояли две группы людей.

Бося вознамерился было послушать, а может и посмотреть ход и результат диспута, но навязчивый и непобедимый зов мочеиспускания вынудил его поторопиться. При этом шаг больничного таланта стал короче, но заметно чаще и в целом скорость движения осталась прежней. Однако случилась странная вещь: чем больше приближался Бося к санузлу, тем слабее становились позывы к мочеиспусканию. К тому моменту, когда он начал спускаться в подвал, то уже и не помнил, зачем сюда так спешил.

Медленным шагом он одолевал одну за другой ступени и с каждым шагом воздух становился всё более влажным и тяжёлым. Вентиляции в подвале не было, поэтому, хотя душевые использовались редко, тёплая сырость служила комфортной средой для всякого рода живности – слизняков, мокриц и червей. Последние были белого цвета и больше напоминали аскарид. Стойкий запах мочи вынуждал одних членистоногих сбиваться в клубки по тёмным углам душевых кабинок, а других подвигал к путешествию вверх по стенам, в надежде обрести хотя бы толику свежего воздуха. Однако сил не хватало и они падали вниз, зачастую становясь жертвой безжалостных тапок обитателей лечебницы.

После яркого света наверху, темнота подвала ослепила Босю, и он двигался почти на ощупь. Не помогала даже тусклая лампочка под потолком. Постепенно глаза привыкли и временная слепота отступила.

Больничный феномен подошёл к одному из унитазов, имеющих романтическое название «чаша Генуя» и плотно встал ступнями в соответствующих местах. Приспустил штаны, и в этот момент вдруг услышал строгий возглас: «Алексей Савельевич!» От неожиданности Бося пустил струю. В первый момент он даже не понял, что обращаются именно к нему. Благо, для мочеиспускания уже были сделаны необходимые приготовления, и всё случилось как должно. Непонятно почему, но маска «Тэнгу» – небесной собаки разлилась по его лицу, сменив Тюдзё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.